Глава 315: Рождение чуда

Кусок черного дерева в руке Нанькэ вдруг начал дрожать.

Она опустила голову и долгое время смотрела на чёрное дерево, которое теперь казалось, как кусок нефрита, с невероятно сосредоточенным выражением лица, но как обычно, безразличным. Даже ее несколько тусклые глаза начали становиться ярче.

Видя изменения черного куска дерева, она отчетливо увидела связь, которая была сформирована между ней и тем высоким и далеким мавзолеем.

Внутри мавзолея было что-то, что непрестанно взывало к Дереву Души, и в то же время приглашало ее.

До того, как она вошла в эти Равнины Незаходящего Солнца, она не знала, из чего было сделано это чёрное дерево, которое дал ей учитель, но теперь она все знала.

Это было ядро Мавзолея Чжоу, или часть его ядра. Другая часть лежала в Мавзолее Чжоу.

Она не могла использовать черное дерево для управления Мавзолеем Чжоу, но могла использовать его, чтобы управлять волной монстров позади нее.

Связь, издаваемая далеким мавзолеем, сделала ее уверенной в том, что это был Мавзолей Чжоу. Вместе с этим, если ее ожидания были верны, Сюй Южун и Чэнь Чаншэн также были в этом мавзолее.

В этот момент она почувствовала благодарность к Чэнь Чаншэну и Сюй Южун.

Если бы Чэнь и Сюй Южун не были впереди и не указывали путь, она никогда бы не нашла Мавзолей Чжоу, и никогда не смогла бы приблизиться к нему, таким образом сформировав связь между Деревом Души и Стержнем Души.

Должно быть известно, что даже ее учитель не смог преодолеть эти равнины, чтобы обнаружить Мавзолей Чжоу.

Глаза Нанькэ сияли все ярче и ярче. В них больше не было их обычной тусклости. Казалось, как будто внутри них было зажжено пламя.

В мавзолее было наследие Чжоу Дуфу.

Лишь она сама могла знать, насколько важным было наследие Чжоу Дуфу для ее учителя.

С ее точки зрения наследие в этом мавзолее, даже сам мавзолей, эти Равнины Незаходящего Солнца, да и весь Сад Чжоу должны принадлежать ее учителю.

Мир, который был случайно оставлен позади ее учителем. Сегодня она наконец-то вновь заберет его обратно.

В отличие от Нанькэ, пара Генералов Демонов, состоящая из Тэна Сяомина и Лю Вань’эр, были сильно расстроены, что Чэнь Чаншэн и Сюй Южун смогли найти этот мавзолей.

Должно быть известно, что с первого открытия Сада Чжоу прошло несколько сотен лет. Бесчисленные культиваторы людей и демонов, переполненные талантом и обладающие стойкой волей, все приходили в это место, чтобы найти Мавзолей Чжоу, но ни один не

преуспел.

Понимание Сада Чжоу Военным Советником далеко превосходило людей-Святых, но даже он не мог найти его.

Чэнь Чаншэн и Сюй Южун смогли достичь этого.

Действительно, они были достойны называться будущим человечества.

Было весьма логично для Военного Советника распланировать все так далеко, потратить так много ресурсов и приложить столько усилий, чтобы убить этих молодых людей в Саду Чжоу.

В определенном месте в Равнинах Незаходящего Солнца камыши и трава были срублены каким-то острым орудием и были разложены, чтобы сформировать невероятно большой остров. Казалось, как будто отдых на его поверхности будет очень комфортным.

Ци Цзянь прислонилась к куче травы, ее бледное лицо было наполнено ужасом, пока она смотрела в определенном направлении в небо. Ее глаза, которые уже были довольно мрачными от ее серьезных ран, стали еще темнее.

В этот момент почти наступили сумерки. Логически говоря, небо должно быть наполнено теплым и красным сиянием, но в настоящее время оно было темным и мрачным.

Оно не было темным и мрачным из-за облаков, закрывающих солнце, а потому, что там была огромная тень, которая закрывала целое небо.

В сильных ветрах в высоких небесах виднелась огромная тень, которая медленно двигалась вверх и вниз, как пара крыльев.

Только вот… откуда в мире могла взяться такая огромная птица, чей взмах крыльев мог закрыть десятки тысяч ли неба? Как мог мир содержать подобное существо?

Может ли быть, что это легендарный…. нет, мифологический великий пэн?

Говорят, что на западе, за Великим Западным Континентом, над безграничным морем, жил странный зверь, которого звали великим пэном. Говорят, что когда он открывал крылья, они простирались на десятки тысяч ли.

Говорят, что великий пэн был невероятно могущественным, и уже был в полушаге от стадии Святого. Даже могущественным Святым экспертам мира людей будет крайне трудно одержать над ним верх.

Как получилось, что ужасающий великий пэн жил в Саду Чжоу? Где он обычно скрывал себя? Почему он не вырвался из Сада Чжоу, чтобы покинуть его? Если он не мог сделать этого, какая сила в этих равнинах препятствовала ему?

Чем больше Ци Цзянь думала над этим, тем более шокированным и бледным становилось ее маленькое лицо.

В течение этих успешных десятков дней побега рана на ее животе уже зажила, но ее внутренние ранения не улучшились, и даже постепенно ухудшались. Ее разум получил такой шок, что она начала тяжело кашлять.

В какой-то момент Чжэсю подошел с тарелкой травяного супа, который поставил перед ней, и

сказал: «Пей».

Он был таким же кратким и прямолинейным, как и всегда.

Было легко заметить, что в путешествии вместе за эти несколько недель Ци Цзянь стала очень близкой и зависимой от него. В паре с ее слабостью от ранений, она начала давать естественный вид дочери дома. Как ноющий или балованный ребенок, она сказала: «Такой горький, и не то, чтобы от него был какой-то толк».

Чжэсю сказал ранее, что если бы Чэнь Чаншэн был тут, он точно смог бы вылечить ранения этого человека. Но в действительности, он сам с детства жил в снежных равнинах, сражаясь за жизнь, так что, будь это раны или болезнь, он всегда должен был самостоятельно находить лекарственные травы. Если бы это было снаружи Сада Чжоу, даже если бы Ци Цзянь получила еще более серьезное ранение от меча, он был уверен, что смог бы вылечить ее. Проблема была в том, что они находились в Равнинах Незаходящего Солнца. Разнообразие растений, которые росли между прудов и сухой землей, не было обширным. Большей частью были сорняки или камыши, и поэтому было очень трудно найти подходящую траву. Травяной суп, который Чжэсю делал в течение последних нескольких дней, был сделан из листьев кудзу и клубней, которые он находил с большим трудом. Вкус был отвратительным и лечебная сила была средней, но... пить все же было лучше, чем не пить.

Поэтому, услышав жалобы Ци Цзянь, он ответил очень прямо и просто: «Если ты не выпьешь, я отшлепаю тебя».

Маленькое лицо Ци Цзянь покраснело, а ее левая рука подсознательно потянулась ей за спину.

Было очевидно, что этот диалог - жалобы и возмущения, и следовавший за ними короткий ответ - уже имел место много раз за последние несколько дней.

Даже был случай, когда он действительно отшлепал ее, как маленького ребенка.

Способ Чжэсю был очень действенным, и к тому же, Ци Цзянь, как казалось, не проявляла плохой реакции к этому. Ей, казалось, нравилось, как он отчитывает ее холодными словами.

Как маленький зверек, она приблизилась к его руке и начала пить суп. По какой-то причине ей показалось, что в лекарственном отваре чувствовалась капля сладости.

Когда она закончила лекарственный суп, ее раны были раздражены лекарством, и она вновь начала откашливаться. На ее лице появилось два пятна красноты. Это казалось невероятно болезненным.

Чжэсю приблизился к ее спине и схватил ее шею правой рукой. В соответствии с методом, который Чэнь Чаншэн описал ему в Мавзолее Книг, он начал медленно направлять истинную эссенцию в ее тело.

Он уже делал это много раз и стал весьма опытен в этом.

На островке, сформированном камышами и сорняками, было тихо.

Глаза Ци Цзянь были закрыты, ее тело дрожало, а лицо было бледным.

Чжэсю лишь иногда открывал глаза и направлял голову куда-то вдаль.

Он не мог ничего видеть, но привык быть бдительным.

К тому же, лишь когда Ци Цзянь закрывала свои глаза, он мог открыть свои.

Потому что глубоко в его глазах темно-зеленый огонь показывал, что яд проник еще глубже и занял практически всю радужную оболочку его глаз. Это было таким красивым зрелищем, что могло заставить сердце биться быстрее.

Если он не сможет покинуть эти равнины и не сможет покинуть Сад Чжоу, возможно, его глаза никогда не восстановятся.

Он не сказал Ци Цзянь об этом.

Через некоторое время Чжэсю убрал свою руку со спины Ци Цзянь.

Ци Цзянь дважды легко кашлянула и почувствовала, что истинная эссенция текла немного спокойней по ее телу, не так тяжело, как ранее.

«Что мы будем делать дальше?» - она мягко спросила Чжэсю, выражение ее лица было весьма робким, как будто она волновалась, что этот вопрос повлияет на его эмоции.

Чжэсю повернулся к той ужасающей тени, которая висела над дальним горизонтом, но ничего не сказал. В последние несколько дней они не встретили и единственного монстра, и равнины были аномально спокойными. Он знал, что это определенно было связано с огромной тенью в небе, но он просто не знал, что там происходило.

«Определенно должны быть другие люди, которые вошли в равнины, - сказала Ци Цзянь. - Возможно, что эта тень - часть плана демонов. Должны ли мы направиться туда, чтобы помочь?»

«Нет, - сказал Чжэсю. - Не важно, план это демонов или нет, с нами это не имеет ничего общего».

Ци Цзянь широко раскрыла глаза и в смятении сказала: «Но... там могут быть другие люди, которые атакованы в этот самый момент».

Чжэсю ответил: «Во-первых, это место слишком далеко, так что мы не успеем вовремя. Во-вторых, мы не сможем победить этого великого пэна. И в третьих, я не человек, так что у меня нет обязательств помогать этим людям. И наконец, если я не ошибаюсь, это дело, возможно, - наша единственная возможность сбежать из этих равнин».

Ци Цзянь смотрела на его профиль, желая что-то сказать, но в конце концов решила промолчать.

Ее растили в Секте Меча Горы Ли с раннего детства, и доктрины, которые передавались ей, делали для нее невозможным проигнорировать вид того, как на людей нападают демоны. Тем не менее, слова Чжэсю были весьма разумными. Более того, ключевой момент лежал в ее отчетливом понимании того, что в побеге из этих равнин она была его обузой, так что у нее не было и малейшей квалификации требовать, чтобы он взял на себя еще больше рисков.

«Важнее всего то, что твои ранения слишком серьезные. Если мы не придумаем способ, ты очень быстро умрешь», - бесстрастно сказал ей Чжэсю.

Видя его лицо, Ци Цзянь вдруг стала очень расстроенной. Она подумала о том, что собирается умереть, а он остается таким спокойным.

Чжэсю не знал, о чем она думала, и продолжил: «Я только что унюхал, что в воде в двухстах ли впереди есть несколько побегов Пьяной Кислой Травы».

Выражение лица Ци Цзянь было немного странным: «Что это?»

Чжэсю ответил: «Это сорт сорняка. Если монстр или боевой конь ошибочно съест его, он потеряет сознание».

Неприятная идея вдруг появилась в голове Ци Цзянь. «Ты... кому ты планируешь скормить ее?»

«Конечно же, это для тебя».

Чжэсю показалось, что этот ее вопрос был невероятно глупым, и он немного нахмурил лоб: «В данный момент ты расходуешься слишком много силы духа. По какой-то причине ты действительно наслаждалась разговорами в последние несколько дней. Совершенно очевидно, что это произошло потому, что твои раны постепенно ухудшаются. Просто съешь Пьяной Кислой Травы и поспи немного. Хотя это не поможет с твоими ранами, по крайней мере это позволит тебе продержаться немного дольше».

Ци Цзянь молчала некоторое время, а затем очень осторожно спросила: «Этот сорняк... ты ел его ранее?»

Чжэсю невыразительно сказал: «Съев этот сорняк, ты впадёшь в состояние глубокой бессознательности. Даже маленькая земляная мышь сможет съесть тебя, конечно же я не ел ее ранее».

Ци Цзянь немного разозлилась. «Но ты хочешь, чтобы я съела ее».

Чжэсю сказал: «Я не буду спать, так что, естественно, ты будешь в безопасности».

Это было простым и объективным объяснением, но в ушах четырнадцатилетней девочки оно казалось обещанием. Это дало ей почувствовать себя очень тепло.

«После того, как я съем эту траву, как долго я просплю?» - спросила девушка.

После момента тишины, Чжэсю ответил: «Я никогда не видел, чтобы люди ели ее, так что... я не знаю».

Ци Цзянь тоже молчала некоторое время, прежде чем слабо сказать: «Но ты хочешь, чтобы я съела ее?»

Это были те же слова, их смысл был таким же, но эмоции позади них немного изменились.

«Это не яд, так что не должно быть проблем».

«Я не хочу есть ее».

«Если мои предположения верны, съедение этой травы позволит тебе продержаться еще десять дней».

«Но я могу проспать сто дней или даже тысячу».

«Вы все, люди, так любите преувеличивать?»

«В любом случае, я не хочу есть ее», - твердо сказала Ци Цзянь.

Чжэсю не знал, почему она была настолько упорной. Поразмыслив над этим, он вновь использовал свой проверенный и истинный метод: «Если ты не съешь ее, я отшлепаю тебя».

В последние несколько недель было много случаев, например, когда она ела горькие травы, или настаивала на том, чтобы подержаться за него, когда засыпала, или упорно настаивала на умывании его лица каждое утро, а затем ночью точно так же упорно настаивала, что ему не требовалось помогать ей мыть ее ноги. Это были моменты, когда их мнения расходились и не могли встретиться. И каждый раз, в самом конце, он всегда использовал этот метод.

На протяжении их путешествия он уже давно понял, что этот последний ученик главы Секты Меча Горы Ли, молодая леди Семи Законов Небес, вовсе не было милой и избалованной девочкой, как он себе представлял. У нее был упрямый характер, крепкий и настойчивый, даже по глупому упрямый. Не то что ударить ее, даже угрожать бросить ее не заставит ее передумать.

Она лишь боялась быть отшлепанной.

Чжэсю не знал, в чем было дело. Он отчетливо знал, что это было место, где было больше всего плоти, и потом битье по нему было наименее болезненным.

Возможно потому, что она была девушкой.

Он читал книги людей ранее и знал о подобных вещах, но по-прежнему не мог понять.

Вспоминая отношение Ци Цзянь к нему в этом путешествии, он почувствовал, что люди действительно иногда слишком раздражали, особенно женщины.

Почему она настаивала на умывании его лица каждый день? В снежных равнинах никогда нельзя было найти так много воды. Разве не было достаточно наугад поднять кусок снега и вытереть им лицо? Если нет, ну и что? Это не хорошо для кожи лица? Она получила такие серьезные ранения, что уже на грани смерти, так в чем смысл волноваться о подобном? Почему она не позволяет мне мыть ее ноги каждую ночь? Может ли быть, что она не знает, что в длинном и сложном похоже самым важным были сухие и чистые ноги, чтобы в следующий день можно было пройти еще дальше? Ладно, в течение всего этого времени он нес ее, так что ей не приходилось идти, но тогда не было хорошей причины, почему ее так заботило это дело о мытье ног.

Хорошо, что женщины всегда боялись чего-то.

Например быть отшлепанной.

От слов Чжэсю маленькое лицо Ци Цзянь покрылось румянцем из-за стыда. Но вне всяких ожиданий она продолжала настаивать на своем. В растерянности она ответила: «Не хочу есть, значит не хочу есть».

Услышав ее ясный и молодой, но несчастливый голос, Чжэсю был немного удивлен. Он подумал о том, что же могло случиться, раз она даже перестала бояться быть отшлепанной?

Он вспомнил, как несколько дней назад, был первый и единственный раз, когда он отшлепал

ее, он был несколько потрясен, что его правая рука подсознательно прошлась по ее ногам.

Видя его действие, Ци Цзянь постыдно и злобно ударила его кулаком по плечу.

Однако, она просто была слишком обессиленной, так что в этом ударе не было силы, и не казалось, что она закатывала истерику.

«Не бойся».

Чжэсю подумал, что догадался о причине ее нежелания, и попытался сделать свой голос настолько успокаивающим, насколько возможно: «Пока я жив, я точно вынесу тебя отсюда».

Ци Цзянь вытянула руку и схватила край его одежды, а затем широко раскрыла глаза и посмотрела на него несчастным взглядом: «Но кто будет указывать тебе направление?»

Чжэсю не видел ее внешний вид: «Тень находится там, так что мы будем двигаться в обратном направлении».

Сказав это, он встал, положил ее на спину, и вышел из островка камышей и сорняков, направляясь к этим стеблям Пьяной Кислой Травы.

Ци Цзянь обняла его, положив лицо на его плечи. Она ничего не говорила, так что ее мысли были тайной.

В данный момент она была очень обессиленной и часто чувствовала усталость. В последние несколько дней, когда она была на его спине, она очень быстро засыпала.

Он не был очень высоким, а его плечи не были очень широкими, но они давали очень стойкое чувство, как у лодки, которая никогда не перевернется в океане.

Но сегодня она не хотела спать. Она сопротивлялась усталости и слабости, спокойно глядя в небо.

Чжэсю почувствовал это и остановился. Через некоторое время он спросил: «Ты правда не хочешь спать?»

Ци Цзянь молчаливо подтвердила его догадки.

Ей казалось, что если она съест эти стебли травы и потеряет сознание, то в следующий раз она проснется спустя очень, очень долгое время.

Кто будет давать тебе направления?

Когда я проснусь, смогу ли я увидеть тебя?

Если мы не покинем эти равнины, может ли быть, что я умру во сне?

Я не желаю.

Если ей было суждено погибнуть, то лучше было сделать это, бодрствуя. Лишь подобным образом она могла оставаться уверенной, что они будут вместе.

Из-за ее молчания Чжэсю тоже молчал.

Он не знал, о чем она думала, но он знал, что она определенно думала о многих бессмысленных вещах.

Люди были действительно раздражительными, особенно женщины.

Независимо от возраста.

Сейчас было то время, когда сумерки должны были окрасить небо кроваво-красным, но далекое небо было темным и мрачным, как облачный день.

Он поднял голову и взглянул вдаль, чувствуя и подтверждая направление.

Сделав эти приготовления, он поднял правую руку, держа ладонь, как нож, и ударил Ци Цзянь по шее.

После легкого шлепка Ци Цзянь потеряла сознание.

Весь мир затих.

В Саду Чжоу была равнина. Солнце равнины не заходило, но было покрыто ужасающей тенью. Снаружи Сада Чжоу были снежные равнины. Солнце не всходило над этой равниной снега, и тень аналогично висела над ночным небом. По сравнению с ужасающей тенью в равнинах, эта тень покрывала еще большую область. Она не казалась злой, но была еще более ужасающей с точки зрения ее холодного присутствия. Она слабо излучала непревзойденное ци.

Эта тень была волей Лорда Демонов. Под этой тенью уже впечатляющая сила Генерала Демонов становилась еще сильнее. Эта тень, ставшая массивом, простиралась на несколько десятков ли к обычным солдатам демонов, вдохновляя их невообразимой отвагой. Независимо от того, насколько ослепительными были сияния меча в снежной буре, они не чувствовали и малейшего страха.

Единственными людьми, кто мог не попадать под влияние этой тени, были два человека. Одним из них был Су Ли, а вторым - Военный Советник демонов, чье тело было покрыто черной робой.

Черная Роба сидел, скрестив ноги, на снежном холме. Перед его коленями была железная пластина. На ней были горы, равнины и реки, холодный пруд и болото, и даже заходящее солнце, но там не было звезд. Это был Сад Чжоу.

Над железной пластиной нависали четыре лампы жизни. Эти четыре лампы жизни были невероятно слабыми, особенно две лампы в середине, их лампы жизни были, как тонкие нити. В любой момент они могли быть потушены.

Более чем в десяти ли вдали в снежной буре величественное сияние меча носилось взад и вперед между небом и землей, но не могло сбежать.

Горноподобные фигуры нескольких Генералов Демонов возвышались над ним в снежной буре. Они вели за собой тысячи демонических войск в погоне за сиянием меча, в погоне за человеком у основания этого сияния меча.

Су Ли не был очень старым, но он в действительности был боевым ‘двоюродным дедом’ Секты Меча Горы Ли. Его старшинство было невообразимо высоким, но еще более высокими были его фехтование и культивация.

Он не был Святым. Он был бродягой, путешествующим по четырем морям, иногда показывающим себя миру.

Он не имел ранга в Штормах Восьми Направлений, потому что никто не знал, в чем лежали его желания.

Но все знали, что его культивация была на вершине мира людей, на уровне глаз со Святыми, наравне со Штормами.

Можно даже было сказать, что из-за его темперамента, учитывая только его боевую силу, убийственные навыки и его угрозу расе Демонов, он был вторым только после Чжоу Дуфу.

Чтобы убить Су Ли, демоны готовились в течение очень долгого времени и были готовы пожертвовать бесчисленными экспертами. В действительности прямо сейчас уже был убит один Генерал Демонов, а три Генерала Демонов были тяжело ранены.

Даже Лорд Демонов не пожалел вызвать свою черную ночь, превратить свою волю в тень, которая обволакивала небо.

Но Черная Роба казался очень спокойным. От начала до конца он сидел, скрестив ноги, на снежном холме. Лишь когда Су Ли выражал свое намерение убийства к нему, он вступал в действие.

Он был настолько спокойным, потому что верил в себя.

Убийство с использованием Сада Чжоу было спланировано лично ним. В плане не было дыр и он с точностью все рассчитал.

Не важно, насколько сильным был Су Ли, он все еще был человеком, а не богом. Он не был Чжоу Дуфу.

Лишь в безвыходном положении, если страх и давление, оказанное нахождением между жизнью и смертью, заставят его прорваться в следующую стадию, у него появится шанс. Иначе у него не было возможности сбежать живым.

Но Черная Роба даже не давал ему этого шанса.

Он приготовил горшок теплой воды для Су Ли, медленно движущийся точильный камень.

Конечно же, логически говоря, он должен был концентрировать свое полное внимание на этом убийстве в снежной буре. Все же, человеком, которого он хотел убить, был Су Ли.

Но мгновениями назад внезапно произошло изменение на квадратной пластине перед ним.

В дремучих равнинах в том месте, которое невозможно было разыскать, которое от начала до конца было местом пустоты и миражей, что-то вдруг взорвалось вспышкой яркого света.

Этот свет осветил лицо Черной Робы, проникая сквозь его бледную кожу, и делая зеленый цвет, скрытый внутри, еще более богатым, прежде чем показать два мазка красного.

Пересечение этих трех цветов было очень странным и очень красивым.

Эти два глаза, которые были глубокими, как загробный мир, тоже были освещены светом.

Кровь на его лице, свет в его глазах - все это говорило о его радости.

Что могло заставить такого человека, как Черная Роба, почувствовать радость?

Ранее, когда он увидел, что лампы жизни Чэнь Чаншэна и Сюй Южун направились вместе в равнины, выражение его лица стало серьезным.

Но сейчас он уже забыл об этом деле.

Даже если Город Сюэлао вдруг рухнет, даже если Су Ли вдруг пронзит снежное небо и сбежит, он даже не среагирует на это.

Под ночным небом не было ничего нового. Не важно, насколько диковинным это было, все это было просто результатов маленьких вероятностей, но это сияние было другим.

Он в течение очень долгого времени смотрел на этот шар света в железной пластине.

Он уже потерял всякую надежду относительно этого миниатюрного мира, вот почему он мог смотреть на него так безразлично.

Но он уже много лет ждал, пока появится этот свет.

План касательно Сада Чжоу очевидно не был лучшим планом, созданным Черным Робой.

Несколько сотен лет назад объединенные силы людей и оборотней успешно прорвались через пять линий защиты демонов и были в пяти сотнях ли от Города Сюэлао. Отшельник Цилянь погиб в бою, и Отшельник Хэлань тоже погиб в бою. Ситуация была особенно мрачной.

Он разработал доставляющий невероятное удовольствие план.

Этот план заключался в его игре с человеческим сердцем. Он использовал отношения между Императором Тайцзуном и Ваном Чжицэ.

Весь континент знал, что он собирался сделать. Императору Тайцзуну и Ван Чжицэ это было еще более ясным, но они не смогли остановить его.

Потому что проблемы человеческого сердца, как только появятся, уже никогда не будут стерты.

Ван Чжицэ с грустью ушел в отставку со своего положения.

Город Сюэлао был в полной безопасности.

В сравнении с тем планом, будь это с точки зрения его структуры или идей, план Сада Чжоу даже не имел надежд сравниться.

Но для Черной Робы план в Саду Чжоу был более значимым, чем предыдущий.

Проиграть, а затем вернуть. Это всегда было наиболее значимым делом.

Все вещи, которые он делал в течение бесчисленных лет, были для этого.

Свет в железной пластине не был в его планах. Это была наибольшая переменная в этом плане, а также наиболее желанная переменная.

Потому что это значило, что самый драгоценный предмет Сада Чжоу вновь увидит свет дня.

Убийство Су Ли. Убийство большей части будущего человечества.

Возвращение его потерянного прошлого.

Что могло быть более идеальным, чем этот исход?

Глубоко в мавзолее, на обсидиановом гробу.

Стержень Души уже не сиял, и драгоценные камни уже были собраны. Обсидиановый гроб был черным, как темная ночь.

Чэнь Чаншэн и Сюй Южун вошли в эту темноту и подошли к отметинам.

Символы составляли буквы и изображения.

Каждому из них соответствовало изображение. Кроме как самая любимая книга с картинками ребенка, существовала и другая часто встречающаяся возможность.

Эти символы и слова были секретной техникой.

Да.

Чэнь Чаншэн и Сюй Южун взглянули в глаза друг другу. Из-за их шока они не знали, что сказать.

Секретная техника, выгравированная на гробу, была стилем меча.

Этот стиль меча имел то же название, что и клинок.

Разделение.

Разделение одного клинка, две половины.

http://tl.rulate.ru/book/1222/81220